

Автор на ПМЭФ-2026

Пристрелить собаку

Скотт Риттер анализирует крах системы контроля над вооружениями и нарастающий курс Европы на милитаризацию, сравнивая континент с вышедшим из-под контроля животным, требующим соответствующего отношения.

Скотт Риттер

птн 19 июн 2026 13 мин. чтения

Моё выступление на Петербургском международном экономическом форуме должно было стать образцом дипломатической сдержанности и тонкости. Однако я отошёл от заранее подготовленного текста. И нисколько об этом не жалею.

4 июня 2026 года мне выпала честь принять участие в качестве члена дискуссионной панели на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) — ежегодной встрече представителей российского бизнеса и

политического руководства, которая проводится с 1997 года. За годы своего существования это мероприятие выросло настолько, что сегодня затмевает свой европейский аналог — Всемирный экономический форум в Давосе, Швейцария. В 2026 году Давос собрал около 3000 участников из 136 стран, тогда как ПМЭФ привлёк почти 25 000 человек более чем из 100 государств и территорий. В то время как коллективный Запад во главе с Европой стремится к дипломатической и экономической изоляции России, ПМЭФ наглядно демонстрирует всю несостоятельность этих усилий. Единственной геополитической группой, фактически отсутствовавшей на форуме, оказались европейцы. (Хотя стоит отметить, что на ПМЭФ присутствовали сотни делегатов и руководителей европейских компаний: очевидно, Россия остаётся привлекательным местом для ведения бизнеса, поскольку за четыре дня работы форума было подписано контрактов на сумму около 84 миллиардов долларов.)

ПМЭФ — это место, где собирается мир за пределами замкнутого и оторванного от реальности пространства Давоса. Настоящий мир, а не искусственная конструкция, основанная на преувеличенных представлениях о значимости и влиянии Европы. В последние годы ПМЭФ также приобрёл известность благодаря своему пленарному заседанию, на котором президент России Владимир Путин выступает с ожидаемым многими программным обращением, а затем в течение нескольких часов отвечает на вопросы участников. Эти дискуссии неизменно привлекают внимание и становятся одной из главных новостных тем форума.

Как я уже говорил, для меня было большой честью и привилегией получить приглашение к участию в столь престижном мероприятии.

Панельная дискуссия, в которой мне предстояло участвовать, носила название «Мировой беспорядок: есть ли место дипломатии в современных международных отношениях?» Модератором мероприятия выступил Дмитрий Столков, доцент МГИМО — ведущего российского института международных отношений, где готовят новое поколение российских дипломатов.

Самым высокопоставленным участником панели был Александр Панкин, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. Выпускник МГИМО 1985 года, господин Панкин посвятил свою карьеру работе в сфере международных организаций. В разные годы он работал в Нью-Йорке и Женеве, представляя Россию при структурах Организации Объединённых Наций.

Вторым по значимости участником дискуссии был Анатолий Торкунов, ректор МГИМО. Господин Торкунов считается одним из ведущих специалистов в области российской дипломатии и международных отношений.

В дискуссии также приняли участие Сергей Поспелов, ответственный секретарь Парламентской ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Микеле Джерачи, бывший заместитель министра экономического развития Италии, а также Джон Лафленд — известный евроскептик, ныне профессор ICES, Католического института Вандеи в городе Ла-Рош-сюр-Йон на западе Франции, где он преподаёт политологию, политическую философию и историю.

Я заранее подготовил своё выступление, набросав на листке бумаги несколько заметок, которые должны были помочь мне собраться с мыслями. Любой опытный оратор подтвердит: когда загорается зеленый свет и ты начинаешь свое выступление, тщательно продуманный сценарий часто отходит на второй план. Моё выступление на ПМЭФ было встречено весьма тепло, однако мне показалось, что и аудитория, и участники панели были несколько ошеломлены моим заявлением в конце выступления. Я сказал, что лучшим решением для России в отношении вышедшей из-под контроля коллективной Европы было бы «пристрелить бешеную собаку», ссылаясь на аналогию, что Европа ведёт себя как заражённая бешенством собака.

Ниже я хотел бы подробнее развить эту мысль, опираясь на те самые заметки, к которым собирался обратиться во время своего выступления, но о которых забыл, оказавшись у микрофона.

Дипломаты оперируют такими понятиями, как «реальная политика» (*Realpolitik*), «идеальная политика» (*Idealpolitik*) и «национальный интерес». Я не дипломат, однако познакомился с этими и многими другими концепциями, изучая труды выдающихся дипломатов, в том числе классическую работу Генри Киссинджера «Дипломатия».

Я посвятил всю свою жизнь практической реализации последствий дипломатии, прежде всего соглашений в области контроля над вооружениями, которые призваны сделать мир более безопасным для жизни. Моя профессиональная карьера началась с работы, связанной с выполнением Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), а позднее мне довелось возглавлять инспекционные группы ООН по вооружениям в Ираке, действовавшие на основании резолюций Совета Безопасности. Для меня соглашения по контролю над вооружениями представляют собой высшее проявление человеческой рациональности. Они объединяют интеллектуальную способность осознавать и ценить неотъемлемую ценность человеческой жизни с нравственным императивом, побуждающим действовать в соответствии с этим пониманием.

Для меня Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) был воплощением того, каким должен быть контроль над вооружениями, — своего рода золотым стандартом. Он объединил в себе рейгановскую идеальную политику (*Idealpolitik*), европейскую реальную политику (*Realpolitik*) и советское понимание национальных интересов, слив их в единое целое. Впервые в ядерную эпоху было заключено соглашение, которое ставило целью не ограничение дальнейшего наращивания ядерных арсеналов участвующих сторон, а их реальное сокращение и ликвидацию. Это стало логическим итогом коллективного осознания того, что ядерную войну невозможно выиграть и поэтому её никогда нельзя вести. А если ядерная война недопустима, то отпадает и сама необходимость в сохранении этих смертоносных видов оружия.

Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности оказался успешным потому, что его реализация отвечала взаимным интересам как Соединённых Штатов, так и Советского Союза. Это было не соглашение, навязанное одной стороной другой, а результат общего понимания того, что его положения необходимы для сохранения самой жизни. С точки зрения превентивной дипломатии ДРСМД представляет собой образец рационального подхода к предотвращению рисков. Обе стороны осознавали, что путь, на который они встали, развивая и развёртывая ракеты средней и меньшей дальности, неизбежно ведёт к конфликту, способному завершиться лишь ядерным Армагеддоном. Именно поэтому у них не оставалось иного выбора, кроме как предпринять жёсткие, но необходимые шаги по ликвидации этих вооружений на условиях, приемлемых для обеих сторон.

Разоружение Ирака формально задумывалось по образцу Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности — соглашения, основанного на предоставлении сторонами деклараций о подлежащих уничтожению вооружениях и последующей проверке их выполнения посредством инспекций. Однако иракский опыт принципиально отличался от опыта ДРСМД. Он отражал коллективную волю международного сообщества, выраженную в обязательной для исполнения резолюции Совета Безопасности ООН, которая была навязана государству-члену Организации как следствие военного конфликта. Разоружение в данном случае стало результатом не равноправной превентивной дипломатии, а дипломатии, подкреплённой постоянной угрозой применения силы.

Опыт ООН в Ираке должен был стать следующим этапом эволюции процесса разоружения — примером многостороннего соглашения, основанного на коллективном понимании того, что оружие массового уничтожения представляет угрозу для всего человечества. Особенно опасным такое оружие становится тогда, когда оно оказывается в руках государства, уже продемонстрировавшего готовность

его применять. Именно поэтому подобные вооружения должны быть изъяты, уничтожены или иным образом обезврежены, чтобы исключить возможность их дальнейшего использования.

Однако в случае с Ираком этот благородный замысел был подорван действиями одной стороны — Соединённых Штатов. Вашингтон использовал механизмы принудительного разоружения не в интересах всего международного сообщества, а для достижения собственных целей, связанных со сменой режима в Ираке. Эти цели выходили далеко за рамки мандата и принципов режима разоружения, согласованного Советом Безопасности ООН.

Иракский опыт должен был стать фундаментом, на котором строилось бы будущее контроля над вооружениями, — примером коллективного осознания того, что оружие массового уничтожения представляет угрозу для всего человечества и потому должно быть ликвидировано на основе общего согласия мирового сообщества. Однако вместо этого он превратился в высшее проявление американской гегемонии, когда интересы одной державы были поставлены выше общего блага. Иными словами, история разоружения Ирака стала наглядным примером того, как была извращена сама идея превентивной дипломатии: верховенство права уступило место верховенству одной страны.

А теперь посмотрим на нынешнюю ситуацию.

Американскому гегемону удалось создать мир, в котором отсутствует контроль над вооружениями. Иракская модель односторонних действий положила конец концепции взаимовыгодных соглашений и вместо этого создала условия, при которых Соединённые Штаты использовали контроль над вооружениями как средство для обретения и удержания стратегического преимущества над Россией. А когда какое-либо соглашение по контролю над вооружениями становилось неудобным, Соединённые Штаты просто выходили из него — договоры о противоракетной обороне (ПРО) и о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) служат свидетельством этого явления.

Но в то время как Соединённые Штаты стремились удержать свое доминирующее положение, настаивая на том, чтобы остальной мир соблюдал рамки добровольного подчинения, известные как «международный порядок, основанный на правилах», остальной мир превратился в новую многостороннюю реальность, не желающую больше участвовать в этой игре. В результате Соединённые Штаты оторвались от любых представлений о верховенстве закона и стали действовать как «страна-изгой», нацеленная на сохранение господства с помощью грубой силы. Политика «Америка прежде всего» превратилась в выражение принципа «только Америка».

Контроль над вооружениями как таковой не имеет смысла, поскольку в этой американоцентричной конструкции ценность имеют только жизни американцев. Одним словом, американский моральный компас больше не работает.

Ситуацию осложняет появление Европы как структуры, которая больше не функционирует исключительно под управлением Соединенных Штатов. С момента окончания Второй мировой войны Западная Европа представляла собой не более чем совокупность ослабленных, потерпевших поражение государств, чье выживание и значимость зависели от их экономических и оборонных связей с Соединенными Штатами. Организация Североатлантического договора (НАТО) служила продолжением американского аппарата национальной безопасности. С распадом Советского Союза Европа вошла в прекрасный новый мир, где она стремилась преобразовать военное единство, достигнутое благодаря НАТО, в новое политическое единство, известное как Европейский союз. Но всё, что сделало это новое образование, — это превратило Европу в совокупность ничтожеств: национальная идентичность, которая когда-то определяла европейский континент, была стёрта и заменена новым европейским конструктом, не имеющим никаких оснований с точки зрения тех определяющих принципов, которые обычно объединяют народ. В результате сегодняшняя Европа — это не более чем совокупность наций, забывших, кем они были, и объединившихся для создания вымышленного союза, которого никогда не было и никогда не будет.

У Европы больше нет никаких принципов.

И вот теперь это образование, утратившее собственное содержание, оказалось оторвано от орбиты своего прежнего покровителя и предоставлено самому себе. Охваченные паникой, европейские государства в отчаянной попытке вернуть себе политическую значимость пытаются заново определить собственную идентичность. Но поскольку в рамках нынешней модели они утратили практически все основания для подлинного национального самовыражения, им приходится обращаться к прошлому — к тем временам, когда у них ещё существовала чёткая и самостоятельная национальная идентичность. Последствия этого процесса могут оказаться ещё более опасными, чем те, которые возникли в результате появления вышедшей из-под контроля американской гегемонии.

В отличие от Европы, Соединённые Штаты обладают национальной идентичностью, основанной на чётко сформулированных принципах и ценностях, закреплённых в их Конституции. В конечном итоге Соединённые Штаты, функционируя как конституционная республика, вновь обретут устойчивость, их моральный компас будет перенастроен, и они вновь вернуться к той превентивной дипломатии, которую олицетворяют контроль над вооружениями и разоружение.

В Европе, однако, отсутствует подобная основа коллективных принципов. Вместо этого Великобритания и Франция стремятся вновь превратиться в державы времен «холодной войны», а Германия уходит ещё дальше в прошлое, возрождая геополитические концепции своего нацистского прошлого. Единственное, что сегодня объединяет Европу, — это призраки прошлых конфликтов, в которых Россия выступала врагом. Эту тенденцию усугубляет тот факт, что новый европейский милитаризм не сдерживается никакими представлениями о контроле над вооружениями. Франция и Великобритания объединились для выработки единой ядерной позиции, ориентированной исключительно на Россию, и распространяют свой недавно сформированный «ядерный зонтик» на Польшу и Германию; Франция стремится разместить самолеты с ядерным вооружением на территории Финляндии, угрожая второму по величине городу России — Санкт-Петербургу — и стратегически важному Кольскому полуострову, в то время как Германия заявляет о необходимости разработки собственного независимого ядерного сдерживающего потенциала. Этот ядерный ажиотаж еще больше подпитывается политической концепцией, построенной на предположении о неизбежности войны с Россией. Германия назначила дату этой войны на 2029 год, а Великобритания готовится к такому конфликту к 2030 году. Генеральный секретарь НАТО публично заявил европейскому сообществу, что оно должно подготовиться к войне, подобной той, которую пережили их деды и бабушки, — это прямая отсылка к мировой войне.

И всё это происходит на фоне продолжающегося конфликта между Россией и Украиной, который превратился в прокси-войну между коллективным Западом, возглавляемым Европой, и Россией. В данном случае Европа финансирует и снабжает войну, в ходе которой произведённое ею оружие используется против России, не принося никаких последствий, кроме гибели украинцев, о которых Европа совершенно не заботится.

Как России поступить в условиях такого развития событий?

Российская дипломатия всегда отличалась прагматизмом и не поддавалась приступам реакционной паники. Такой подход может принести успех — и, надеемся, принесет его — в отношениях с Соединёнными Штатами.

Есть все основания полагать, что Соединённые Штаты способны вернуть себе роль рационального участника международных отношений, опирающегося на систему принципов и обладающего тем нравственным ориентиром, который делает возможным заключение взаимовыгодных соглашений в области контроля над вооружениями.

С Европой дело обстоит иначе. Предоставленная самой себе, Европа превратилась едва ли не в рассадник нигилизма — бурлящую массу саморазрушительных тенденций, неспособную эффективно управлять собой изнутри.

Одним словом, Европа превратилась в бешеную собаку, угрожающую всем, кто попадает ей на пути.

Именно здесь я хотел бы предложить России для размышления пример, приведенный в классическом американском романе «Убить пересмешника».

Аттикус Финч, герой этой истории, — адвокат, глубоко проникнутый принципами права и верховенства закона.

Кроме того, он — ветеран Первой мировой войны, который, как известно, был лучшим стрелком в своей части.

Когда бешеный пес угрожает его общине, люди обращаются за защитой именно к Аттикусу Финчу.

Не из-за его принципиальных юридических позиций.

А потому, что он умеет стрелять.

Закон не спасёт его общину от бешеной собаки.

Только пуля.

А теперь перейдём к Европе.

Закон не спасёт Россию от этой бешеной собаки.

Так что же России делать?

Застрелить собаку.

Конечно, найдутся те, кто воспримет это заявление буквально и прибегнет к апокалиптическим образам «доктрины Караганова», согласно которой Россия наносит упреждающий удар по Европе с использованием обычных вооружений, таких как ракета средней дальности «Орешник», а если это не сможет умерить стремление Европы к войне с Россией, то вслед за этим следует ограниченный ядерный удар.

Однако цель этого послания не в том, чтобы подстрекать к ядерному конфликту, а, напротив, — найти путь, который вернёт нас в то время, когда соглашения о контроле над вооружениями считались высшим проявлением человеческого разума,

а государства обладали моральными ориентирами, позволявшими им действовать в соответствии с этим пониманием.

«Европейскую собаку» можно устранить, просто отказавшись признавать её субъектом, достойным дипломатического взаимодействия. Миф о европейском единстве — это клей, который скрепляет иллюзию военной значимости Европы. На самом деле Германия не в состоянии финансировать свои воинственные фантазии. То же самое касается и Великобритании, и Франции.

Вместо того чтобы предпринимать действия, которые могли бы послужить толчком к реальному объединению Европы или — что ещё хуже — вернуть Европу под «зонтик» безопасности, поддерживаемый США, России следует просто способствовать роспуску НАТО, уходу Америки из Европы и неизбежному распаду самого Европейского союза.

Россия в значительной степени избавилась от необходимости взаимодействия с Европой, отчасти благодаря самоизолирующим экономическим санкциям, введённым Европой в отношении России. Таким образом, Россия может избирательно подходить к взаимодействию с Европой, предпочитая вести переговоры с отдельными странами, а не с Европой в целом.

Проблемой являются политические и экономические элиты, управляющие сегодня Европой, а не решение этой проблемы. Многие из самых злостных нарушителей — Мерц из Германии, Макрон из Франции, Стармер из Великобритании — понимают, что время их политической значимости подходит к концу. России не нужно ничего делать, кроме как позволить Европе вариться в котле, который она сама себе устроила, вываривая из себя все, на что она надеялась и к чему стремилась, пока не останется лишь дымящаяся пустота.

В какой-то момент отдельные страны, населяющие европейский континент, осознают, что «европейский рагу» — это не что иное, как рецепт их общей гибели, и они откажутся от этого безумия.

И искусственное образование, известное как Европа, перестанет существовать.

Фразу «Пристрелить собаку» не следует понимать буквально.

Это метафора, обозначающая агрессивное применение превентивной дипломатии, представленной в качестве оружия.

И пусть российский Аттикус Финч владеет им так же искусно, как и его тезка.

Впервые опубликовано 11 июня 2026 г: https://scottritter.substack.com/p/shoot-the-dog?utm_source=post-email-title&publication_id=6892&post_id=200714957&utm_campaign=email-post-title&isFreemail=false&r=1y536l&triedRedirect=true&utm_medium=email

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ ЕС Россия Европейский союз (ЕС) НАТО